

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕФОРМЫ КОНЦА 1540-х И В 1550-е ГОДЫ

Церковные реформы были лишь частью масштабных реформ, проводившихся в России в конце 1540-х и в 1550-х годах. Непосредственным поводом к реформам послужили пожары и восстание 1547 года, которые со всей очевидностью показали то, что сложившаяся в стране ситуация крайне взрывоопасна. Вражда между различными боярскими группировками, недовольство населения, о котором говорят летописи, — все это вело к необходимости успокоения, «примирения» внутри страны, консолидации правящего класса.

Первыми шагами на пути реформ были неоднократные «собрания с примирительными речами», призванные сгладить противоречия между различными группами феодалов. Первое из таких «собраний» состоялось, очевидно, сразу же после восстания в Москве, еще летом 1547 года, после выздоровления пострадавшего во время пожара митрополита Макария. Это собрание было не слишком представительным — на нем присутствовало духовенство и бояре, но не все (например, «всему злу начальник» Михаил Васильевич Глинский находился вне Москвы). Об этом собрании вспоминал царь на Стоглавом соборе: «тогда же убо яз ко всем своим князем и бояром... на благотворение подах прощение в их к себе прегрешениях»*.

---

* Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. С. 264; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 79.

Иван IV

Изображение на листе Казанской истории. XVII в.

Следующее «примирительное» собрание состоялось в начале декабря 1547 года. К этому времени в Москве оказались пытавшиеся бежать из страны князь Михаил Глинский и Турунтай-Пронский. Михаил Глинский был главой правительства на заключительном этапе боярского правления, и именно против него было направлено всеобщее недовольство (и простого народа, и бояр). Поэтому его прощение должно было «примирить» враждующие группы господствующего класса. К Турунтаю также были большие претензии: в бытность свою наместником в Пскове он заслужил всеобщую ненависть горожан, которые даже присылали специальную делегацию в Москву с жалобами. В духе всеобщего «прощения» попытка бегства в Литву не была наказана опалой, виновные были вынуждены лишь дать записи с обещанием впредь служить верно. Кроме того, за них ходатайствовало духовенство и поручилась группа бояр и дворян.

Однако вскоре стало ясно, что такое «поверхностное» «прощение» бояр и их «примирение» между собой и Иваном IV явно недостаточно.

Для нормализации положения в стране необходимы были более серьезные мероприятия. Настоящим началом реформ являлся Собор «примирения», состоявшийся в конце февраля 1549 года. Именно это собрание считают первым Земским собором в истории России. Он был более представительным, чем собрания 1547 года, и являлся советом различных групп феодального класса, направленным к установлению «мира» (или его иллюзии) внутри господствующих сословий царя и бояр с населением (хотя представителей основных групп населения — крестьян и посадских — на нем не было).

Об этом первом Земском соборе сохранились известия в Продолжении Хронографа 1512 года и в 4-й главе Стоглава. Кроме царя, высшего духовенства и бояр здесь присутствовали и представители детей боярских, хотя, вероятно, никаких специальных выборов на местах не было, а участвовали лишь те из служилых людей, кто оказался в столице в это время. Причины этого собрания видятся в потенциальном недовольстве детей боярских, которым пришлось очень нелегко в период боярского правления. В то же время они составляли основную военную силу Московского государства, и их недовольство было очень опасно. В таких условиях правительство решило разрядить ситуацию, сделать некоторые шаги навстречу требованиям служилых, а заодно и указать виновных во всех бедах государства. Понятно, что виновными оказывались исключительно бояре, которые стояли у руля государства в период малолетства Ивана IV. Царю такая ситуация была выгодна — он мог отвести от себя все возможные претензии и просто пообещать на будущее не допускать ущемления интересов служилых людей, а быть им «щитом и обороной».

27 февраля 1549 года в царских палатах Грозный произнес речь перед Освященным собором (высшим духовенством во главе с митрополитом), боярами, окольными, дворецкими. В своем выступлении царь заявил о том, что во время его юности от бояр и их холопов детям боярским и всем «христианам» чинились «силы и продажи и обиды великие в землях и в холопах и в иных во многих делах». Далее Иван IV потребовал, чтобы впредь никаких злоупотреблений не было, угрожая слушникам опалой и казнью. Выслушав все это, бояре «били челом», просили царя не учинить им за те преступления опалы, а в будущем обещали служить «вправду, безо всякия хитрости». Также они заявили, что если на них или их людей поступят иски от детей боярских и «христиан», то они готовы судиться. Как и следовало ожидать, Грозный после этих слов раскаяния «пожаловал» своих бояр «с великим

Русская знать: бояре и дворянин
Гравюра из книги С. Герберштейна. XVI в.

благочестием и усердием» и обещал больше не вспоминать старых грехов в том случае, если они не будут больше «так чинить».

В тот же день царь выступил и перед более широким кругом лиц. Здесь присутствовали воеводы, княжата, дети боярские, дворяне. Суть царской речи сводилась к тем же положениям, что и перед боярами. Затем вместе с митрополитом и боярами было принято решение отменить подсудность детей боярских наместникам по всем делам, кроме «душегубства и татьбы и разбоя с поличным»*. Вероятно, тогда же было принято решение о «замораживании» или прекращении дел между наместниками и «всеми землями», что было вполне в духе «примирения»**.

Возможно, на первом Земском соборе было принято и еще одно важное решение — отказ царя от самостоятельного вынесения смертных приговоров. Теперь осуждению предшествовало судебное разбирательство с участием бояр. Так, еще зимой 1547 года Иван IV самостоятельно выносил приговоры, а в пятидесятые годы приговорам

* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 295–296.

** Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. С. 267.

предшествует обсуждение в Думе. На Соборе было решено начать проведение широких реформ в области законодательства и суда — «судебник исправить по старине и утвердить, чтобы суд был праведен и всякие дела непоколебимо во веки». Также решили провести изменения в местном управлении: устроить по всем землям государства «старосты и целовальники, и сотские и пятидесятские по всем градам и по пригородам, и по волостем, и по погостом, и у детей боярских и уставные грамоты...»*.

Таким образом, мы можем видеть, что первый Земский собор дал толчок дальнейшим реформам, направленным на «устроение» страны, прекращение наиболее вопиющих злоупотреблений, которые бурно расцвели в период боярского правления. Причем, вероятно, у окружения Грозного не было четкого плана проведения и очередности реформ. Некоторые из них, возможно, не предполагались, к необходимости их проведения правительство пришло уже в ходе самих начавшихся реформ. Одни реформы тянули за собой другие. Общее их направление исследователи часто определяют как создание сословного общества, в котором каждое сословие имеет определенные права и некоторое самоуправление. Появляется и центральный представительный орган — Земский собор, да и сама Избранная рада, проводившая реформы, была, как представляется, некоторой формой представительства интересов различных сословий.

Уже вскоре появляется предварительный план реформ, состоявший из двенадцати пунктов. Он был составлен в виде вопросов, адресованных духовенству, и сохранился в одной из рукописей. Первый вопрос касался местничества (порядка назначения на должности в зависимости от происхождения и служб предков человека). Указывается на явные минусы подобного порядка — «всякой размещничается на всякой посылке и на всяком деле». Имеется в виду то, что если служилый человек считал назначение не соответствующим его статусу, он отказывался принимать назначение. Предполагалось принять такое решение, чтобы «вперед тому делу быть без вражды, и без кручины, и полюбовно, чтобы в воинском деле в том никакой споны не было».

Второй вопрос говорил об упорядочивании в распределении земель и кормлений. Указывается на полный произвол в этом деле — некоторые захватили много земель, никакого реального учета нет —

---

* Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. С. 267.

«в меру дано натолко по книгам, а сметить, ино вдвое, а иньде болши». В то же время многие служилые люди не имеют достаточных поместий для обеспечения нормальной службы. Выход из ситуации — «поверстати по достоинству безгрешно», то есть провести ревизию земельных владений: у кого много — отобрать, у кого мало — добавить.

Следующий вопрос о новых, возникших после смерти Василия III, слободах, жители которых освобождались от уплаты налогов и выполнения повинностей, падавших на жителей посадов. Предлагалось принять меры к ограничению роста населения этих слобод и предотвратить уход в них посажан.

Четвертый вопрос о корчмах: «занеже от корчем хрестьяном великая беда чинитца и душам погибель». Предполагалось закрыть эти питейные заведения. В пятом вопросе шла речь о ликвидации дорожных мытов (сборов с товаров, перевозившихся внутри страны). Вместо этого предлагалось увеличить тамгу — налог с товаров непосредственно при торговле. Сохранить же мыт следовало только на государственных границах. Очередной вопрос говорил об ограничении перевозных и мостовых пошлин, которые взыскивались при переправах. Седьмой вопрос предлагал усилить охрану границы для усиления контроля за перемещением людей и товаров на рубежах России.

В восьмом вопросе внимание уделялось вопросам вотчинного землевладения. Предлагалось устроить специальные «вотчинные книги» для контроля за земельным фондом. В этих книгах должны были фиксироваться все операции с вотчинными землями. С одной стороны, это должно было упорядочить споры о земле между землевладельцами, а с другой — позволить центральному правительству определить, чем владеет каждый вотчинник, и соответственно с его владениями требовать выполнения «службы».

Девятый вопрос предлагал упорядочить раздачу поместий (земель, дающихся при условии несения службы) — только «в меру», согласно «книгам» и жалованным грамотам. Кроме того, правительство заботит то, что некоторые помещики не могут вести хозяйств — «пустошат» свои земли. Правительство заявляет о том, что если поместье будет «запустошено» по вине владельца, то его ожидает «царская опала».

Десятый вопрос говорил об обеспечении вдов и детей погибших или умерших служилых людей — помещиков. Дело в том, что поместье было условной собственностью, служилый человек им пользовался лишь до тех пор, пока нес службу. Если он умирал или погибал и у него не оставалось родственников, которые могли служить с этого

поместья, то, по логике вещей, поместье следовало отобрать «на государя». Но как быть с вдовами и малолетними детьми? Пришлось оставлять семье часть поместья «на прожиток», хотя рекомендовалось молодым вдовам снова выходить замуж, в этом случае все поместье переходило новому мужу, который и должен был с него служить.

Одиннадцатый вопрос посвящен охране «гостей» — купцов из Ногайской орды. Торговля с ней приносила большие прибыли и, кроме того, была важна по политическим мотивам в условиях напряженной борьбы с Крымом и Казанью.

Последний, двенадцатый вопрос говорит о всеобщей переписи земель. Описанию подлежали все земли государства — дворцовые, церковно-монастырские, вотчинные, поместные, черные. Описывать следовало и «всякие угодья» (реки, озера, рыбные ловли, торговые лавки, борти, огороды, дворы и так далее). Это означало намерение правительства провести первую общегосударственную перепись. Заодно надлежало проверить владельческие права на земли и другие угодья. Целью объявлялось прекращение бесконечных тяжб по земельным вопросам и определение земельного обеспечения всех служилых людей. Кроме того, часть владений, право на обладание которыми не удалось бы подтвердить документами, могла перейти государству*.

Таковы были первые планы реформаторов. В чьих же интересах было проведение заявленных преобразований? Очевидно, что многие из них были выгодны государству, способствовали успокоению ситуации в стране. В интересах государства была проверка владельческих прав на землю и ограничение частновладельческих слобод. С другой стороны, в проекте видна явная забота о служилых людях, причем в основном о детях боярских, служба которых обеспечивалась поместьями. Не были забыты и купцы, в интересах которых планировалось ликвидировать (или ограничить) внутренние таможенные границы. Посадским людям должно было импонировать наступление на белые слободы, расширение которых вело к увеличению налогов на горожан. Упорядочивание местничества, как представляется, было в интересах и самого государства, и, частично, знати, так как споры «о местах» вели к ее разобщению и вражде между различными родами. Таким образом, проект реформ из двенадцати вопросов был в интересах всего государства, наиболее значительных групп феодалов и посадских людей.

---

* *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора // *Жданов И. Н.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1904. С. 175–186.

На самом деле не все реформы, о которых было объявлено, в действительности провели. Так, не были в общегосударственном масштабе ликвидированы корчмы, дающие значительную прибавку в государственную казну. Лишь в некоторых районах страны они были закрыты: например, в Великом Новгороде. Не удалось ликвидировать и дорожный мыт. Часть реформ была не столь радикальна, как задумывалось. Вместе с тем, и осуществленные в конце 1540-х — 1550-х годов преобразования были весьма значительны. Одной из важнейших реформ было принятие нового Судебника 1550 года, сменившего устаревший Судебник Ивана III*.

Новый Судебник опирался на предыдущее законодательство Русского государства и, в первую очередь, на Судебник 1497 года. Поэтому большинство статей являлись переработкой норм старого кодекса. Вместе с тем был включен целый ряд новых положений. Значительное внимание уделено вопросам землевладения. Устанавливается срок выкупа проданных родовых земель — сорок лет, причем выкупать не имели права те родственники, которые были свидетелями при заключении сделки. Одна из статей запрещала впредь выдавать тарханские (освобождающие от налогов) грамоты, а старые предписывала изъять у владельцев. Спустя некоторое время была проведена ревизия тарханов, причем большинство освобождений от основных налогов были отменены, что позволяло улучшить положение государственной казны.

Основная масса населения — крестьяне — по новому Судебнику сохраняли право выхода в Юрьев день осенний при условии уплаты «пожилого». Новое законодательство запрещает превращать в холопы служилых людей, которые годны для исполнения обязанностей. Очевидно, эта мера призвана не допустить уваливания от службы детей боярских. Посадским людям запрещается уходить в белые слободы и, таким образом, уменьшать платежеспособность посада в целом.

Впрочем, большая часть Судебника 1550 года посвящена вопросам суда и определению наказаний за различные преступления. Много внимания уделено суду наместников, получавших территории в управление и кормление (в виде благодарности за службу), хотя он и подвергается определенным ограничениям. Так, из их компетенции изымаются дела о «ведомых разбойниках». Также наместники лишались права судить детей боярских по всем делам, кроме «душегубства,

* Судебник 1550 года // Российское законодательство. Т. 2. С. 97–120.

Жатва и молотба

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

татбы и разбоя с поличным». В суде у наместников должны были обязательно присутствовать представители местного населения, чтобы наблюдать за правильностью происходящего. Причем судопроизводство должно быть письменным и скрепляться печатями и подписями. Четко определяются размеры судебных пошлин.

Судебник 1550 года строго запрещал взятки и их вымогательство, если же это обнаруживалось, то виновный должен был заплатить все судебные издержки, сумму иска и штраф — «пеню», размер которой определялся самим царем. Население могло и жаловаться на действия наместников и других должностных лиц, но если обвинения в их адрес не подтверждались, то наказанием за челобитные не по делу было тюремное заключение.

Предусматривается возможность принятия новых постановлений по вопросам суда, которые не обозначены в этом Судебнике. В таком случае их следовало приписывать к кодексу после одобрения царем и Боярской думой. До всего населения страны содержание

законодательства не доводилось, указывалось лишь на необходимость объявить «по торгам» по всей стране, чтобы «ищеа или ответчик» судьям и приставам не «сулили» «посулов». Свидетели же должны давать показания только по тем делам, которые они знают, в случае же обмана в суде со свидетеля взыскивались все убытки и он подлежал торговой казни (битью кнутом).

В дальнейшем положения Судебника уточнялись и конкретизировались, некоторые нормы отменялись. Так, в 1556 году было отменено «поле» — судебный поединок, с помощью которого выносили судебный приговор в случае невозможности решить дело по показаниям свидетелей. Расширяется применение смертной казни, ей подвергались теперь и лица, которые даже на пытке отрицали свою преступную деятельность. Для приговора теперь было достаточно показаний свидетелей и того, что население признавало подозреваемого «лихим человеком».

Важное значение имела губная реформа. Она начала проводиться еще в период боярского правления, но осуществлялась непоследовательно и на отдельных территориях. Как пишет летопись, «И князь великий... пожаловал свою отчину Псков, дал грамоту судити и пытать и казнити псковичам разбоиников и лихих людей; и бысть Псковую радость, а злые люди разбегашася, и бысть тишина, но на не много, и паки наместницы премогаша, а то было добро велми по всеи земли»*. Сущность реформы сводилась к тому, что дела о «ведомых лихих людях» изымались из компетенции наместников и передавались специально выбранным губным (губа — округ) старостам из среды местных детей боярских. Лишь в начале пятидесятых годов губная реформа была проведена по всей стране.

В середине XVI века происходит перестройка центрального управления. Появляются новые органы управления — приказы. Часть приказов имела общегосударственное поле деятельности. К таким относятся Посольский приказ, который ведал дипломатическими сношениями, Разрядный приказ руководил военным делом и службой феодалов, Поместный — занимался учетом земель, контролем за ними и наделением поместьями служилых людей по отечеству. Некоторые приказы занимались сбором налогов. Разбойный приказ занимался борьбой с уголовной преступностью, Ямской — обеспечением государственной связи.

---

* ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 229–230.

Дьяк Посольского приказа
Западноевропейская гравюра XVI в.

Часть приказов имела не общегосударственное, а территориальное значение — управляла отдельными землями. К ним относятся Большой и областные дворцы. Они управляли личными вотчинами монарха и производили суд над населением. Но к концу 1550-х годов большинство местных дворцов было упразднено. Жителей Москвы судил Земский приказ. Специальные приказы занимались отдельными родами войск и так далее.

Большое значение имело упорядочивание местничества, произошедшее в самом конце 1540-х годов при участии Ивана IV, митрополита Макария и бояр, которые, в основном, и назначались воеводами. По сути, главнокомандующим становился первый воевода большого полка. Второй воевода большого полка был равен первому воеводе полка правой руки. Воеводы полка левой руки считались «меньше» воевод правой руки. Первые воеводы передового и сторожевого полков приравнивались к первому воеводе полка правой руки. Запрещалось «считаться местами» на службе. Все претензии следовало предъявлять после окончания похода. Княжатам и детям боярским с назначенными воеводами местничаться запрещалось. В ряде случаев могли вообще принять решение о назначении на службу «без

мест»*. Приговор о местничестве имел большое значение для повышения боеспособности армии и введения единоначалия в войсках. Вместе с тем бывали случаи, что эти постановления нарушались, а никаких санкций за это в приговоре не предусматривалось. В таком случае все переходило на усмотрение царя — он мог пригрозить непослушному опалой или отменить «невместное» назначение.

В 1555 году был составлен Государев родословец, состоявший из сорока трех глав, последняя из которых называлась «Род Адашев». В Родословец включались все знатнейшие и важнейшие княжеско-боярские фамилии. С помощью этого официального сборника правительство могло решать местнические споры и определять «родовитость» представителей знати. Тогда же был составлен Государев разряд — справочник по вопросам службы (ежегодные росписи воевод по полкам).

В октябре 1550 года было принято решение о наделении землями под Москвой верхушки служилых людей (тех, у кого таких владений еще не было). Эта мера была введена для того, чтобы эти лица могли в любой момент использоваться для выполнения различных поручений. Новые владения должны были находиться в Московском и ближайших уездах в окружности до примерно семидесяти километров от столицы. Был составлен специальный список тех, кого следовало наделить землями. Всего в него вошло 1078 лиц, разбитых на несколько групп: члены Думы, дети боярские 1, 2 и 3-й статей. Для каждой группы был определен свой размер подмосковных земельных владений, причем большие участки доставались думцам и детям боярским 1-й статьи. Впрочем, вопрос о действительном осуществлении этой реформы довольно сложен: часть исследователей считает, что задуманное было выполнено, другие — отрицают это.

Вскоре была составлена Дворовая тетрадь, куда были записаны все служилые люди Государева двора. Именно из них черпались основные кадры для комплектования командного состава армии и других важнейших задач. Каждый год (до 1562 года) проводилась проверка наличного состава и делались пометки о выбытии тех или иных лиц. Записанные в Дворовую тетрадь составили верхушку служилых людей, в отличие от остальных, служивших по городам**.

Происходит зарождение постоянного войска. Еще раньше существовали отряды пищальников, вооруженных огнестрельным оружием.

* ПСРЛ. Т. 13. С. 267.

** Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950.

Теперь из них формируется стрелецкое войско. Стрельцы делились на «приказы» по пятьсот человек, командовали ими дети боярские. «Приказы» в свою очередь делились на сотни, полусотни и десятки. Количество стрельцов постоянно увеличивалось, их отряды с течением времени появились почти в каждом городе. В Москве первоначально было создано шесть «приказов» — полков, поселенных в Воробьевской слободе. Стрельцы получали жалование — 4 рубля в год и сыграли большую роль во всех последующих войнах России.

15 сентября 1550 года Иваном IV и митрополитом было принято решение о церковных слободах. Согласно ему, жители слобод должны были нести тягло вместе с основным населением городов — посадскими людьми, но подлежали церковному суду. Кроме того, предписывалось всех новоприходцев вернуть на посады. Новые дворы можно ставить лишь при семейном разделе: от отца детям и так далее. Если же старые дворы запустеют, то разрешается призывать в слободы крестьян в Юрьев день*.

В начале 1550-х годов власти приступили к переписи земель. Эта перепись имела важнейшие последствия — вводилась единая окладная поземельная единица — «большая соха». Размеры этой самой большой сохи не были одинаковыми и зависели от двух условий: качества земли и ее принадлежности. Чем хуже было качество земли, тем большую площадь занимала большая соха. Для земель черных крестьян (проживающих на землях, не принадлежащих владельцам) большая соха была самой маленькой по площади, следом шли монастырские земли, а в наиболее выигрышном положении оказывались поместные и дворцовые земли. Понятно, чем меньше площадь сохи, тем больше были налоги с обрабатываемой земли. Монастырские, поместные и дворцовые земли находились в лучшем положении, так как жившие на них крестьяне кроме государственных повинностей выполняли еще повинности в пользу хозяев земли. Таким образом, правительство стремилось добиться примерного равенства распределения налоговой нагрузки на крестьян. Проведение земельной переписи позволило властям уяснить реальную картину с землевладением. Кроме того, во исполнение Приговора от 11 мая 1551 года была проведена отписка земель у некоторых монастырей, которые не могли документально подтвердить свое право на владение землями. Перепись привела и к еще одному последствию — раздаче черных земель в поместья служилым

* Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. С. 373–374.

людям. Переписывались и города. Здесь налоги определялись в зависимости от имеющихся у посадских торгов и промыслов.

Произошла и унификация мер. Основной мер стала московская четверть — из четвертей составлялись сохи. Таким образом, в данном случае это была единица площади. Но четверть была и единицей объема. По городам были разосланы новые меры, которыми и следовало теперь измерять товары, в основном зерно.

Важнейшее значение имела начавшаяся в начале 1550-х годов земская реформа. Первоначально, видимо, правительство не имело намерения проводить эту реформу повсеместно, а лишь в тех районах страны, жители которых сами обратятся с подобной просьбой. Реформа привела к отзыву наместников и введению органов местного самоуправления. Местные жители избирали старост и целовальников, которые и осуществляли суд вместо наместников. Первоначально реформа касалась тех районов страны, где не было поместного землевладения и поэтому старосты избирались в основном из среды зажиточных крестьян и посадских людей. Средства, которые ранее поступали наместникам, теперь составили новый налог, который шел в государственную казну.

Повсеместно земская реформа стала проводиться в середине 1550-х годов. На практике это привело к отмене наместничьего управления и, следовательно, кормлений. Кормления были старинным способом обеспечения служилых людей (членов Государева двора), формой благодарности за службу, так как жалованья служилые люди еще не получали. Наместники (кормленщики) назначались из центра в отдельные уезды и волости Русского государства для управления населением, за счет которого они и «кормились». Жители несколько раз в год должны были доставлять наместнику «корм». Кроме того, в его пользу шли пошлины, например судебные. Для предотвращения злоупотреблений перед выездом на службу наместник получал «наказ», а жители территории список того, что должен получать наместник в виде «корма». Произвольно увеличивать поборы запрещалось. Наместники получали кормление на определенный срок — обычно год, иногда два. Подобная система вела, с одной стороны, к росту злоупотреблений наместников, которые стремились нажиться за счет подвластного населения (особенно это проявилось в период боярского правления), и, с другой стороны, с увеличением количества членов Государева двора: наделение их всех кормлениями стало чрезвычайно трудным делом. В источниках сохранилась мотивировка отмены кормлений: «А по се время бояре и князи и дети боярские сидели по кормлениям по городом и по

волостем, для расправы людем и всякого устроения землям и себе от служб для покою и прекормления... и тем городом и волостем розсправу и устрой делаи и от всякого их лиха обращали на благое, а сами были доволны оброky своими и пошлинами указными, что им государь уложил». Однако такая благостная ситуация сохранялась лишь некоторое время — вскоре «вниде в слух... царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели, изо многих лет призрев страх Божий и государьские уставы, и много злокозненных дел на них учиниша; не быша им пастыри и учителя, но створишася им гонители и разорители». Но местные жители также не были только объектом злоупотреблений наместников: они «многие коварства содеяша и убийства их людем (кормленщиков. — *В. Ш.*): и как едут с кормленей, и мужики многими иски отыскивают; и много в том кровопролития и осквернения душам содеяше... и многие наместники и волостели и старого своего стяжания избыша, животов и вотчин». С целью прекратить все эти злоупотребления земская реформа была распространена на большинство районов страны. Правда, уже в правление Ивана Грозного в ряде мест взамен представительных органов — земских старост с их аппаратом (дьячки, целовальники) — стало вводиться воеводское управление. В конечном итоге, земские органы дольше всего просуществовали в северных районах России, то есть там, где не возникло значительного поместного землевладения.

Отмена кормлений и введение земского самоуправления позволило правительству резко увеличить количество средств, поступающих в государственную казну. Именно из них стали выплачивать вознаграждения служилым людем, которые ранее пользовались кормлениями. Большинство служилых, впрочем, получало деньги не каждый год, а лишь раз в три-четыре года*.

В середине 1550-х годов было принято и Уложение о службе. Суть его заключалась в следующем — каждый владелец земли был обязан выходить на службу, независимо от того, какой землей он владел — поместьем или вотчиной. И до этого феодалы были обязаны выходить на службу, но теперь служба была строго регламентирована и приведена в соответствие с количеством земли, находившимся в распоряжении служилого человека. Введение подобной меры стало возможным после проведения земельной переписи, о которой уже говорилось. Итак, со ста четвертей хорошей земли (примерно 170 гектаров) на службу

* ПСРЛ. Т. 13. С. 267–268.

Поместная конница
Гравюра из книги С. Герберштейна. XVI в.

должен был выходить один воин в полном вооружении с конем, а в дальние походы с двумя конями. Если земельное владение служилого человека было больше, то он обязан приводить с собой вооруженных людей (холопов). За каждого выведенного на службу платились деньги, если же владелец земли не выполнял нормы, то с него взыскивался штраф. Если же вооруженных людей выводилось больше, чем следовало по Уложению о службе, то за каждого, выставленного сверх нормы, выплачивалось денежное жалованье в повышенном размере*.

Летом 1556 года царь распорядился провести смотры служилых людей для определения того, сколько жалованья выплачивать каждому. В результате были составлены специальные списки, в которых фиксировалось количество воинов, выведенных каждым землевладельцем. Проведенная мера достигла цели — увеличилась численность армии: «преже сего не бысть так, многие бо крышася, от службы избываше. Царь же... и ленивых подвиг побарати по благочестии, и посему множество воинства учинишася»**.

* ПСРЛ. Т. 13. С. 268–269.

** Там же. С. 270–271.

Русские монеты XVI в.

Явившиеся на смотр служилые люди были распределены по множеству статей в соответствии со своим происхождением, землевладением и личными заслугами. В зависимости от статьи выплачивалось и жалованье, размеры которого были очень различны. Если служилый человек отличался на службе, то мог переходить в более высокие статьи, что вело к увеличению его денежного жалованья. Вершиной карьеры для большинства служилых было переводение за заслуги из городского списка в московский — то есть в элиту. Это обеспечивало и более высокое жалованье, и лучшие условия для службы детей. В то же время за проступки можно было оказаться в менее престижной статье.

Жалованье считалось очень хорошим, если достигало пятидесяти рублей, в то же время огромное количество детей боярских могло о таком только мечтать. Не редкостью были выплаты размером в шесть-десять рублей. На службу было необходимо являться по первому требованию и находиться на ней до специального разрешения на отъезд. Для служилых людей она начиналась с пятнадцати лет и была бессрочной — до смерти, тяжелого ранения, глубокой старости или плена. Впервые выходявшие на службу назывались «новиками» и получали денежный оклад (обычно очень небольшой, могло быть и три рубля) и могли претендовать на поместье. В случае неявки на службу служилый человек подлежал наказанию: порке, уменьшению оклада, лишению части или всего поместья.

Таковы основные реформы, проведенные в России в конце сороковых и в пятидесятые годы XVI века*. Все эти мероприятия позволили

* Реформам и их различным аспектам посвящена обширная литература. См., например: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

Русский конный воин
Гравюра из книги С. Герберштейна.
XVI в.

Русский воин
Гравюра из книги С. Герберштейна.
XVI в.

Вооружение русского всадника
Гравюра из книги С. Герберштейна. XVI в.

стабилизировать ситуацию в стране. Официальная точка зрения была сформулирована в Книге Степенной царского родословия: «Все же люди умилишася и на покаяние уклонишася от главы до ногу, яко сам

благочестивый царь, тако же и вельможи его, и до простых людей вси сокрушенным сердцем, первая греховная дела возненавидевше, и вси тщахуся и обещахуся Богу угодные дела сотворити елико кому возможно, Милосердный же Бог, видя полное смирение и сокрушение сердечное и благое произволение людей своих и тако праведный гнев свой умали и ярость свою отврати от них и паки благословением обнови их и милость свою умножи на них и всякие требования и богатства и утвари другая сугуба дарова им». Степенной книге вторит и Псковская летопись: «Бысть при державе государя царя... Ивана Васильевича всея Руси самодержца, на Москве и во всей Русской земле в государеве вотчине, тишина и благоденствие великое, и рука государева высока над всеми»*.

Если даже отрешиться от публицистических преувеличений, то все равно приходится признать, что проведенные реформы способствовали укреплению положения государства, причем необходимо учитывать, что изменения происходили в условиях непрекращающейся войны, с потребностями которой и были связаны многие преобразования.

Реформы позволили резко увеличить доходы казны, что, в свою очередь, позволило провести широкомасштабные военные реформы, усилить армию. С другой стороны, в стране резко увеличился налоговый пресс, особенно часть денежных платежей, что в перспективе могло привести к крайне тяжелым последствиям (что и случилось в действительности спустя какое-то десятилетие). Происходила массовая раздача черных земель в поместья. Благодаря созданию органов управления — приказов — усилилась централизация страны и увеличилось влияние на дела дьяков, в руках которых сосредотачивались нити повседневного управления. В то же время происходила консолидация групп населения в сословия, вводилось местное самоуправление, поставленное, правда, под контроль центральных органов.

Интересы каких слоев выражали проведенные реформы? Очевидно, что наибольшую выгоду получали верхи общества — «класс феодалов» в целом, а не какие-либо его отдельные прослойки. В какой-то мере от реформ выигрывала и верхушка третьего сословия: «торговые мужики», зажиточные посадские и крестьяне, получившие самоуправление, в котором они играли ведущую роль.

Кто же проводил реформы, кто был их инициатором? Какова роль отдельных лиц в их проведении? Считаем, что основную роль

* ПСРА. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 638; ПСРА. Т. 5. Вып. 1. С. 113.

в реформах играли представители Избранной рады, которая была формой представительства наиболее влиятельных социальных групп. Причем необходимость преобразований была понятна многим неподвезтым лицам и не входившим в состав этого правительственного кружка. Ситуация в стране к 1548 году была чревата новыми потрясениями, для избежания которых и необходимо было что-то делать.

Роль самого царя Ивана в реформах едва ли когда-нибудь станет возможным точно определить. Официальная летопись подчеркивает, что царь принимал решения или самостоятельно, или по совету с боярами, проверить справедливость этих данных нет возможности. Вполне возможно, что летопись пишет то, что должно было быть по представлениям того времени, а не то, что было в действительности. Сам же Грозный в один голос с Курбским утверждает, что он в конце сороковых и в пятидесятые годы ни на что не влиял, а находился полностью под контролем своих советников, Избранной рады. По его заявлению, «от прародителей данную нам власть отъяша от нас... ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утверждения по своей воле имый, и своих советников хотения творяще. Нам же что аще и благо советующе, сия вся непотребно им учинихомся, они же что аще непотребно им чиняху, они же, аще что и строптиво и развращенно советуваху, но сия вся благо творяху!»*. То же самое пишет и князь Курбский: деятели Избранной рады «собирают к нему советников, мужей разумных и совершенных, во старости мастите сущих, благочестием и страхом Божиим украшенных, других же, аще и во среднем веку, тако же предобрых и храбрых, и тех и оных в военных и земских вещах по всему искусных. И сице ему (царю. — В. Ш.) их в приязнь и в дружбу усвоят, яко без их совету ничесоже устроити или мыслити»**. Все эти заявления можно считать преувеличением, но некоторые соображения позволяют согласиться с Грозным и Курбским.

С одной стороны, мы ведь не знаем, как в действительности принимались решения, противоречили советники царю или нет. Поэтому нельзя однозначно признать все заявления Ивана IV и беглого князя вымыслом. С другой стороны, к моменту начала реформ царь был очень молод и не мог, видимо, иметь самостоятельного ответа на вопросы, которые стояли перед страной. У него не было опыта реального

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 79—80.

** Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 226—228.

самостоятельного управления — раньше за него управляли различные боярские клики, что и привело к тяжелым последствиям. В любом случае, Иван IV неизбежно попадал под влияние лиц, которые казались ему способными провести необходимые преобразования, тем более эти лица выражали интересы более широких кругов феодалов, чем традиционное боярское окружение. Царь доверился выбранным им самим советникам, которые и приступили к реформам при его полной поддержке. Вероятно, не всех устраивала столь большая роль этих новых людей, но пока Грозный им доверял, ничего сделать было нельзя, несмотря на предпринимавшиеся попытки поколебать их положение.

Причем еще раз заметим, что Избранная рада не была единым правительством с определенной программой, а внутри нее существовали противоречия и трения (по крайней мере до событий 1553 года, о которых речь пойдет ниже). Пока царь доверял свои приближенным и добровольно подчинялся их советам, но стоило окончиться этому доверию — и их положение могло резко измениться. А для утраты доверия достаточно было любых поводов: хотя бы просто взросления Ивана IV, который мог начать тяготиться добровольно принятой на себя ролью «председателя совета». В данном случае никаких гарантий у реформаторов не было, так как ограничение власти царя было не юридическое, а практическое, обусловленное его личным решением, от которого в любой момент можно было отказаться.